

КРИЗИС, ЭКОНОМИСТЫ И . . . НАРОД

О.Ю. МАМЕДОВ,

*Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет*

Гражданская совесть российских экономистов чиста – они давно предупреждали о возможном кризисе отечественной экономики. Но все эти предупреждения оказались напрасными, так как благоприятная экономическая конъюнктура породила у власти только политические амбиции и социальные иллюзии. В результате были упущены уникальные возможности, предоставленные стране периодом небывало высоких цен на энергоносители – главный экспортный товар страны.

Экономическую природу российского финансового кризиса невозможно понять, не признав: его первопричина – *вмешательство государства в деятельность стратегических корпораций России* («корпорации национальных стратегических интересов»). А поскольку российская экономика непосредственно зависит от цен на энергоносители (особенно – на нефть), то именно *неэффективность государственного регулирования деятельности российских энергетических корпораций и несёт основную ответственность за происходящий кризис*.

Официальные аналитики выводят причины кризиса из того, что и без них известно каждому обывателю: Россия является крупным мировым экспортером нефти и металлов, поэтому *её фондовый рынок подорван снижением цен на сырьевые товары*. Эта очевидность – следствие многократно осуждённой всеми поколениями руководителей страны её сырьевой специализации – великолепна в идеологических целях: дескать, неутомимые враги (догадайтесь с первого раза, кто) специально обрушили свои европейские и американские финансовые рынки, чтобы навредить нашей экономике. Однако обсуждать этот «идеологический ширпотреб» в профессиональном сообществе считается неприличным.

Другая часто приводимая причина имеет определённое, хотя и нерешающее, значение: *зарубежные и отечественные инвесторы вывели миллиарды долларов – из-за опасения эскалации геополитических последствий операции «по понуждению к миру»¹*, а также из-за обеспокоенности возрастающим вмешательством государства в экономику (типичный пример, который буквально потряс мировые деловые круги, – критика на высшем государственном уровне одной крупной российской компании, в результате которой были уничтожены миллиарды долларов её рыночной капитализации).

Третья причина: к сентябрю 2008 года фондовый индекс РТС упал более чем вдвое, превратив нашу и без того миниатюрную по масштабам биржу *в самый уязвимый финансовый рынок в мире*. Однако нестабильность российской финансовой системы оказалась усугублена ещё одним малоизвестным обстоятельством: российские бюджетные средства оказались вовлечёнными в американский ипотечный кризис отнюдь не самим этим кризисом, а тем, что наш Министерство финансов вложил не менее 100 миллиардов долларов США (а сколько на самом деле, мы, видимо, не узнаем никогда) в ценные бумаги двух американских ипотечных гигантов («Fannie Mae» and «Freddie Mac»), которые будут переданы американскому правительству и, скорее всего, списаны². Это означает, что в нашей стране нынешний кризис во многом порождён

¹ После войны с Грузией, российские валютные резервы сократились на 24 миллиарда долларов (на 5 сентября 2008 года Россия обладает третьей по величине запасов в мире - 573 миллиардов долларов) - <http://i.mktw.net/mw3/JavaScript/MWCookieParser.js>

² Источник: <http://www.sfetcu.com/content/2008-Russian-financial-crisis>

© Мамедов О.Ю., 2008

неэффективным внутрироссийским механизмом управления бюджетными и корпоративными финансовыми ресурсами, а этому, в свою очередь, есть такие политико-экономические причины, анализ которых выходит за рамки данных заметок.



Кризис породил ещё одну, исключительно внутрироссийскую, экономическую проблему – либо отпустить крупные олигархические компании в свободное плавание по политически-непредсказуемым волнам рыночного моря, либо воспользоваться предоставившейся возможностью для юридической национализации их предприятий (и тем, наконец, освободить страну от, хотя и прирученных, но всё равно олигархов). Последний вариант был бы экономически, политически и этически оправдан, если учесть, что состояние абсолютного большинства современных российских олигархов выросло из, скажем дипломатично, тёмного отчуждения государственного имущества (недипломат сказал бы прямо – кражи). Это обеспечило бы перевод под контроль федерального центра стратегических отраслей (особенно в секторе природных ресурсов), приватизация которых в 1990-х годах сегодня признаётся ошибочной.



Правительственные вложения в систему мер преодоления финансового кризиса выразились в использовании огромных резервных фондов (третьи по величине в мире: мы скопили огромные резервы во время нефтяного бума в последние десятилетия – около 530 миллиардов долларов, состоящих в иностранных валютах и драгоценных металлах) – более чем 200 млрд долл США, то есть суммы, равной примерно 15-ти процентам валового внутреннего продукта страны³. Однако, если финансовая цена антикризисных мер определена этой цифрой, то всё ещё остаются неясными другие, не менее важные, аспекты этих мер – достаточно ли будет этих средств, а главное – каким образом они будут распределяться, и будут ли они использоваться для «селекции» корпораций в видах правительства? Судя по высказыванию главы российских предпринимателей А.Шохина («Принципы предоставления государственной поддержки для компаний должны быть публичными и прозрачными!»), ситуация с распределением «антикризисных» денег складывается непростая.

Не менее интересно другое, – когда грянул дефолт 1998 года, отечественные нувориши оказались в стороне и ничем не помогли государству, малозаконная приватизация лакомых объектов которого и позволила им стать олигархами. Зато сегодня, когда плохо стало уже корпорациям, они, не помня своего поведения десятилетней давности, ринулись к правительству, которое, забыв о предательстве олигархов в 1998-м году, не отвернулось от них.

Но пойдёт ли помощь государства на пользу олигархам, а главное – всей нашей экономике? Ведь, в конечном счёте, кризис, пусть и дорогой ценой, но буквально «финансовым пинком» изгоняет из экономики малоэффективные компании, очищая поле для деятельности эффективных. Однако если мы сейчас поддержим все корпорации (и эффективные, и неэффективные), то выйдем из кризиса слабее, чем были до него, так как наш принцип – «хотели, как лучше» может закончиться, «как всегда» – изгнанием эффективных и поддержкой неэффективных корпораций (тогда как прошлый, так сказать, «неуправляемый», дефолт усилил российскую экономику).

Что же делать? Повернуться к тонущим спиной? Или бросить «спасательный круг», свитый из крупных купюр? В любом случае верного ответа не знает никто.



Итак, спустя десятилетие после дефолта 1998-го года история устроила российской экономике повторный экзамен происходящим сегодня финансовым кризисом. Однако мало кто осознаёт, что во времена кризиса экзамен держит не только экономика, но и экономисты. Этот невидимый экзамен также очень важен для оценки состояния и перспектив развития отечественной экономической науки. Может показаться, что сегодня, когда, образно выражаясь, «горит» экономика, надо бежать к ней с рецептами и рекомендациями, а не заниматься внутринаучными проблемами. Но мне представ-

³ См.: Philip P. Pan. Washington Post Foreign Service. Friday, October 17, 2008; A01.

ляется, что с рекомендациями надо было бежать раньше. Впрочем, и в докризисный период никто особенно не желал слушать экономистов.

А сегодня, лучшее, что могут сделать экономисты, так это положиться на здравый смысл самой экономики – она не вчера возникла и не завтра кончится. Она выходила из кризиса даже в те времена, когда, страшно сказать, – профессиональных экономистов не было и в помине. И ничего, выжила. Не лишне вспомнить и о том, что манифест регулируемой экономики Кейнса вышел в свет в 1936 году – спустя три года после окончания Великой депрессии. А прочитан и признан экономистами был ещё позже. Поскольку сегодняшний кризис носит финансово-экономический характер, то этим объясняется активное участие экономистов в происходящих событиях. Их высказывания и оценки находятся в центре общественного внимания. К сожалению, эти оценки и советы настолько неприлично противоречивы, что у людей возникает сомнение – а есть ли вообще экономическая наука, если её представители не в состоянии внятно и однозначно ответить ни на один вопрос?

Вот почему мне кажется, что именно сейчас, когда всё бушует, а экономисты в очередной раз продемонстрировали свою практическую беспомощность, надо было бы заняться наведением порядка в самой экономической науке. Может, это поможет оказаться ей на высоте к следующему циклическому кризису.

Переходя к обзору наших рядов, необходимо констатировать, что разделение труда в экономической науке зашло так далеко, что плюсы специализации стали порождать не меньшие минусы. Главный минус я усматриваю в потере всякого интереса широких масс профессиональных экономистов к теоретико-методологическому пласту экономического знания. А ведь только объединённое общей методологией и теорией по необходимости разнородное экономическое знание может приобрести концептуальное состояние.

Возьмём, к примеру, анализ современного финансового кризиса. Специалисты по антикризисному управлению, финансисты, маркетологи дают ему такие аналитические характеристики, которые и сами-то нуждаются в теоретическом объяснении. Например, экстренная комиссия Всемирного Банка объяснила истоки нашего современного кризиса тем, что российская экономика «перегрета», что совокупный спрос превысил производственный потенциал страны, что экономика работает на грани производственных возможностей.

Может, оно и так (хотя любой российский экономист, зная состояние дел на производстве, крайне сомневается, что мы выбиваемся из последних сил), но почему мы попали в такую ситуацию, на это макроэкономическая теория ответить не в состоянии. Концентрация внимания на преимущественно «технических» вопросах функционирования экономики оставляет нас без теории, а, значит, и без экономической науки. Есть смысл немного задержаться на этом объяснении коллег из Всемирного банка, чтобы на этом примере проиллюстрировать различие между «техническим» и «теоретическим» подходами к анализу экономического кризиса.

Сведение механизма движения национальной экономики к соотношению совокупного спроса и совокупного предложения прекрасно тем, что это объяснение актуально и пригодно на все времена и народы. Но экономисты-теоретики не ограничивают свой анализ сопоставлением двух показателей – на какую сумму предложено товаров, и какова сумма потенциальных расходов, – экономистов-теоретиков интересует, что стоит за этими суммами. А это уже – политическая экономия, встреча с которой экономистам-прикладникам почему-то крайне нежелательна.

Ладно, иностранцы могут оперировать цифрами, но мы-то, живущие в этой стране, должны задуматься над глубинными истоками превышения совокупного спроса и совокупного предложения. Экономисты слишком хорошо знают реальный уровень реальных доходов большинства населения, чтобы поверить такому объяснению⁴. (1).

⁴ Среднемесячная заработная плата за январь 2008 года составила 15 059 рублей, средний размер ежемесячной пенсии, скорректированный на инфляцию, достиг в январе 2008 года 3682 рубля, средний размер депозита и вклада на рублевых и валютных счетах в учреждениях Сбербанка России в мае 2008 года равнялся 9475 руб. (ИА «Финмаркет», 31.07.2008). а сильно отстающие от темпов инфляции проценты по банковским вкладам постоянно обесценивают эти вклады. Для кого же поднята гарантия банковского вклада до 700000 рублей? В 2007 году число

Вот сейчас доцент будет получать со всеми прибавками где-то 12–15 тысяч рублей. Нищета! И что вы хотите от этой высококвалифицированной нищеты? А наши пенсии? И вот эта нищета породила кризисообразующий размер совокупного спроса?

Сомневаюсь. Скорее, такой непосильный для страны по размерам совокупный спрос – результат неуправляемого бюджетно-финансируемого спроса со стороны в основном государственных структур. Но говорить об этом сложно потому, что статистика по-прежнему закрыта (что не помешало появлению множества диссертаций по транспарентности, правда, почему-то обращённых только к бизнесу, а вот к государству, как я понял, претензий по части транспарентности у экономистов нет). Когда я рассказываю студентам об устройстве макроэкономики, то рисую четыре квадрата – вот «домохозяйства», вот «фирмы», вот «государство», вот «заграница». Но я не могу поставить рядом статистические показатели их реального экономического статуса – сколько ресурсов им принадлежит⁵.

Я остановился на этом примере, чтобы показать – без теоретического подхода мы будем каждые десять лет уныло констатировать – опять этот совокупный спрос превысил наш потенциал. Кстати, этот «внутригосударственный», «социально-ограниченный» характер текущего кризиса объясняет, на мой взгляд, равнодушие или простое любопытство народа к этому кризису. В 1998-м году волнение было настоящее. Прошло десять лет – народ по-прежнему вне экономики: никаких инструментов сбережения, кроме обирающих (из-за низкой процентной ставки) банковских депозитов (те, кто знаком со статистикой сбережения, знает, что они делаются 20–30% населения, а средняя сумма вклада буквально нищенская – что-то около 20 тысяч рублей, а большинство живёт от зарплаты до зарплаты); ценные бумаги, которые сейчас падают в цене, неведомы большинству наших сограждан по-прежнему; мелкий бизнес задущен; крупный – приручен и представляет собой разновидность государственного, и т.д. Это значит, что не достигнута главная политико-экономическая рыночных реформ. А эта цель – не изменение функций ЦБ или возрождение фондовой биржи или прочие технические штучки, главная политико-экономическая цель рыночного преобразования – это **ВКЛЮЧЕНИЕ НАРОДА СТРАНЫ В ЭКОНОМИКУ НА ПРАВАХ ЕГО ГЛАВНОГО СУБЪЕКТА**. А когда я бодро сообщаю студентам, что главное место в макроэкономике занимают домохозяйства – как основные владельцы базовых факторов производства (природных ресурсов, труда и капитала), то, зная реалии, вижу принципиальное различие между нашим и «западным» её устройством.

С теоретической точки зрения проходящий кризис интересен вот чем – он подтверждает, что **рыночная экономика едина, и никакие особенности разных стран не могут преодолеть это единство**. Как бы любители особого исторического пути России ни силились, он не могут опровергнуть того, что в борьбе с кризисом мы применяем *абсолютно идентичный с другими набор рыночных инструментов*. А наш план спасения экономики удивительно похож на план спасения американской экономики.

Но не будем наивны – завтра, когда кризис будет преодолен, мы снова услышим речи об особенном устройстве российской экономики, и т.д.

Красноречиво и рыночное возмужание широких масс населения – при всей обеспокоенности нет паники.



Социальная наука затратила немало усилий, чтобы определить объективную иерархию структурных подсистем общества. Фундаментальный вывод оказался таков – базовыми факторами социальной динамики выступают детерминанты экономического характера (собственность, рыночность, эффективность организации производства).

людей, имевших возможность откладывать часть средств, возросло с 40 до 47%. Однако норма сбережений (отношение сбережений к чистому доходу) за последние пять лет снизилась в полтора раза. Согласно материалам экономических исследований, около половины домохозяйств не имеет свободных средств для сбережений, а ещё 32% отнесли себя к группе «иногда имеющие свободные денежные средства. К «системным сберегателям» (то есть к имеющим свободные денежные средства) отнесли себя 15% домохозяйств.

⁵ Блестящая характеристика экономического состояния страны содержится в статье В.Д. Белкина и В.П. Сторожено «Прогноз 2020» нуждается в существенной доработке» «Экономическая наука современной России», 2008, №3.

Казалось, что получен «ключ» к сущностному анализу всех социальных процессов. Однако во многих случаях социально-экономическое развитие по-прежнему остаётся процессом непредсказуемым. Особенно отчётливо это иллюстрирует развитие самой «европейской» из всех национальных переходных экономик – российской экономики (поскольку другие страны из наиболее продвинутой в развивающемся мире «группы БРИК» – Бразилия, Россия, Индия, Китай, – существенно отличаются от европейской цивилизации по внеэкономическим характеристикам).

Отечественный экономист легко перечислит значительное число особенных признаков российской экономики, превратившихся в экономические детерминанты специфики её социальной динамики. Я отмечу лишь общеизвестные: государственный патернализм сферы экономики, монополистическая концентрация базовых отраслей производства, ограниченность рыночных форм организации производства.

Итак, специфика несомненна. Остаётся только выяснить – это преодолимая или неустранимая специфика?

Если «преодолимая», то необходимо искать пути к её преодолению.

Если «неустранимая», то впору создавать особую экономическую теорию «непреодолимой специфики», что означает перевод «специфики» в статус «самостоятельной сущности», а это чревато открытием нового экономического мироустройства (наряду с «европейским» и «азиатским»).



Ответ на поставленный вопрос наталкивается на важное препятствие – сегодня в экономической науке во многом утрачен интерес к высокой экономической теории. Прагматизм, практицизм, утилитарность, – таковы отличительные черты того, что претендует на роль «современного экономического анализа» и получаемого таким способом «знания». И только очередной экономический кризис вынуждает экономистов вновь обращать своё внимание на общие, теоретико-методологические вопросы (прямо по пословице – «пока гром не грянет, экономист не перекрестится?»).

В чём сходство и отличия кризисов 1998 и 2008 годов?

Главное сходство состоит в том, что и прошлый, и нынешний кризисы – это финансовые потрясения (хороший аргумент в пользу продолжающейся монетаризации экономически-развитой экономики!).

Однако экономистам, вслед за врачами, хорошо известно – один и тот же симптом может скрывать различные болезни. Ни для кого из отечественных экономистов не является секретом, что если Запад страдает от, так сказать, «перерыночности», то Россия – от «недорыночности».

Однако от этих двух разных недугов экономическое «лекарство» оказалось одинаковым. Это – использование бюджетных средств для борьбы с падающим ликвидным покрытием, в чём, собственно, и состоит суть финансового кризиса (на всех его уровнях – от макро до микро уровней).

На языке экономической теории это значит только одно – за провалы рыночного сектора будет платить сектор нерыночный. Другими словами – разорился банкир, а вытаскивать его будет налогоплательщик.

Правильно ли это? Справедливо?

Не является ли это неэффективной растратой бюджетных средств? И кто гарантирует успех?

И не разрушает ли это основы рыночного устройства экономики? Ведь даже первокурсник знает – государство не отвечает по частным долгам (корпораций), а корпорации – по долгам государства. Не случайно один из американских сенаторов назвал использование бюджета для спасения корпораций «финансовым социализмом».



Полугосударственный характер российских монополистических энергоресурсных корпораций придал нашему кризису необычный характер – второй раз мы наткнулись на те же «грабли»: *нынешний финансовый кризис, как и кризис десятилетней давности, так же спровоцирован безудержной экспансией бюджетных ресурсов в нашу же, увы, неэффективную экономику.* Но в отличие от государственного дефолта

1998-го года, в 2008-м году произошёл «корпоративный дефолт»: крупные российские компании подсели на дешёвые иностранные кредиты. Только благодаря этим кредитам рубль (отвечая политическим амбициям) и оказался «сильным», а процентные ставки – на низком уровне, однако российские банки и фирмы накопили около 500 миллиардов долларов внешнего долга к середине 2008 года (по сравнению с 150 млрд. долларов в 2002 году). Если бы не эта внешняя задолженность, американский ипотечный кризис нас бы просто не затронул. Но американцам из-за кризиса потребовался срочный возврат предоставленных ими кредитов, и ни на какое рефинансирование (благодаря которому срок платежей обычно отодвигается) они не соглашались. Вот тогда и началась паника в наших финансовых институтах, в которых использование заёмных финансовых ресурсов было рассчитано как раз таки на стратегию рефинансирования. Эти кредиты предназначались на покупку новых технологий и расширение их производственного использования, а во многих случаях даже для финансирования ежедневных спекулятивных операций. И как только источники кредитного рефинансирования иссякли, наши банки и корпорации оказались в долговом нокауте (по данным ЦБ РФ, только до конца текущего года более 40 миллиардов долларов внешнего долга должны быть выплачены компаниями).



Кризис, при любом варианте его масштабности и длительности, будет иметь (пока ещё непредсказуемые) последствия для изменения роли государства в экономике – она или возрастет, или снизится. Однако в любом случае страна выйдет из кризиса с принципиально иной экономикой – более рыночной, или менее рыночной.

Большая часть бюджетных средств, предоставляемых на поддержку финансовой системы страны, имеет форму займов крупным государственным банкам, которые должны, в свою очередь, предоставлять кредиты другим банкам. Но шестиве по кредитной цепочке всегда оборачивается приростом процентов. В результате, способ помощи банкам второй очереди может их скорее утопить, чем вытащить. Кроме того, в ситуации кризиса оценка реального риска предоставления кредита средним и мелким банкам практически невозможна, что открывает возможность для злоупотреблений всем участвующим сторонам, что может ещё сильнее пришпорить инфляцию. Другой канал разгона инфляции – поддержка рубля с целью противодействия его девальвации, которая затруднила бы погашение для российских корпораций внешнего долга.



Принципиальное значение для определения причин российского кризиса, а стало быть, и для определения методов его лечения, имеет общая характеристика – *это «экономический» или «финансовый» кризис?*

Финансовый кризис – это расстройство, происходящее за пределами реального сектора производства, часто вызываемое спекулятивными или чисто монетарными факторами (объём и структура денежной массы). Финансовый кризис неприятен, но не смертелен для системы.

Иное дело – экономический кризис: это расстройство уже самого реального сектора производства. Его возникновение сигнализирует о присутствии самого неприятного, что только может быть в национальной экономике, – *неправильной, нерациональной, неэффективной экономической организации производства страны*. В условиях российской экономики это означает, что **народное хозяйство страны подчиняется не главному рыночному сигналу – изменению соотношения объёмов совокупного спроса и совокупного предложения, а антирыночным сигналам** (монополизму, государственному протекционизму, коррупции).

Финансовый кризис требует улучшения финансовой системы страны как части экономики, тогда как экономический кризис требует преобразования уже *всей* экономики, а это дело – гораздо сложнее, глубже и продолжительнее.

Современный российский кризис оригинален тем, что он, притворяясь «финансовым», на самом деле является «экономическим». А это означает, что, как бы мы ни оттягивали, заглохшие рыночные реформы придётся всё-таки двигать дальше, но только – быстрее.